Алексиевич Светлана (писательница) 26.05.04

№18 (24/870) РОССІЯ
общенациональная газета
20–26 мая 2004 года

Россія. — 2004 — 20–26 мая. — с. 21

Светлана Алексиевич: «Меня интересует только одно государство — человек»

Беседовала Рогнеда Смирнова

Белорусская писательница Светлана Алексиевич — автор всемирно известной книги «У войны не женское лицо». Переведенная на десятки языков, включенная в вузовскую и школьную программу книга невероятно тяжела по восприятию. Алексиевич избрала крайне сложную творческую судьбу — попытаться увидеть войну глазами тех, кто по определению не должен был бы оказаться посреди гула сражений. Но оказался. И увидел весь ужас и безумие происходящего.

— Вы ведь сейчас в Париже живете? Давно? И почему?

— Есть такие европейские писательские стипендии. Их дают, если в стране возникают какие-то политические проблемы, проблемы с властью у известного писателя. На эту стипендию можно прожить. Я два года жила в Италии недалеко от города Пизы и год — в Париже. Вообще же хочу жить только дома.

— Но вы недавно побывали в Белоруссии...

— У меня там старенький папа...

— Как вас встречали?

— Поругивают в газетах. Но, по-моему, это нормально для художника, воспитанного в русской культуре. Спор поэтов и царей — спор вечный... А я не уехала, не собираюсь бросать страну, не хочу. Пусть «они» уезжают.

— Вы говорили на презентации своей книги, что на родине в деревнях, где вы беседовали с людьми, любят Лукашенко.

— Начнем с другого. В чем трагедия современного художника? Мы как-то растерялись. Ушли в какие-то литературные игры. Или в одиночество и обиду. Но больше всего — в растерянность. Раньше мы сидели на кухне и говорили: вот люди прочитают такие-то книги, узнают правду, и будет другая страна, другие люди, другая власть... Наши надежды не оправдались. Все так или иначе разочарованы. Одни — в том, что медленно происходят перемены; другие — в том, что все оказалось не так красиво, быстро и празднично, как мечталось. Третьи испытывают чувство поражения: за что боролись?

Но самое главное мое ощущение от того, что происходит, — все, начиная от дворника и кончая академиком, делают какую-то трудную работу и в одиночестве. Трудную работу по воспитанию в себе навыков новой жизни, понимания того, где мы, что мы. Конечно — работа по выживанию. Жалко и грустно, что интеллектуалы молчат.

— Может быть, они и их голос никому не нужны?

— Никогда они не были так нужны людям, как сейчас. Что бы ни утверждали, но сегодня можно говорить не только на кухне. И когда можно говорить не на кухне, мы вдруг начинаем говорить бог знает о чем. Уходим в игры и говорим: это не дело литературы... Мы очень долго разучивали чужие роли. Например, роли чужой западной жизни. Нам казалось, мы приспосабливаем к себе эти новые одежды. И только сейчас до нас доходит, что не надо стесняться самих себя, что надо спокойно разобраться, что с нами происходит. Без проклятий. Этот путь мы не прошли. Просто ушли. Помните? Не было ни покаяний, ни суда над этими идеями. Ничего не было. Все быстро заглохло и замолчало. И поэтому — мы нигде. И поэтому важно сегодня эту работу проделать. Люди устали от пустоты. Они сегодня хотят ответов, у них есть вопросы... Да, они выживают, да, тяжело жить, таская сумки из Турции и Китая, а еще детей надо учить...

— И все это в основном падает на женщин!

— Я видела столько прекрасных женщин — украинских, русских, молдавских, бывших экономистов, учителей, врачей, теперь они смотрят за детьми и стариками в Италии и во Франции. Но они смотрят и на чужую жизнь. И пытаются понять: в какой жизни они, где они сейчас? Это пути и унижения, и прозрения, и какого-то иного обмана, и в то же время период самообмана кончается. Надо все-таки четко сказать, что мы можем.

— А какой из Парижа видится Россия?

— Трудно живущей. Очень заметно. Хотя во всем мире — ощущение начавшейся третьей мировой войны. При этом зло выступает совершенно в ином обличье, войны совершенно другие. То ли это войны цивилизаций, то ли это войны иного мира, находящегося в другом времени с его скоростями... Очень сложные процессы сегодня происходят. А здесь — первое, что видишь, когда заходишь в метро, — все спят, все безумно уставшие.

— Только уставшие?

— Как ни странно, жизнь тяжелая, но стоит с любым заговорить — видно, что люди очень интересные. И со всеми можно заговорить — с таксистом, с соседом по метро. И с ходу можно говорить о серьезных вопросах. Что в принципе в Европе невозможно, где каждый человек — отдельное государство, в которое проникнуть практически нельзя. А у нас все открытые и очень умные.

— А как на Западе относятся к нашим проблемам? Или их они вообще не интересуют?

— Это на Западе меня и удивило: у них уважения к нашей жизни, к нашим проблемам, к нашим страданиям больше, чем у нас самих. Мои книги здесь воспринимаются как книги страданий, как книги катастроф. Там эти же книги воспринимаются как книги опыта духа, книги, рассказывающие о тайнах коммунизма, о маленьком человеке великого времени. То есть там как-то философски смотрят на эти вещи. А мы все еще «выносим вещи из горящего дома».

— Я несколько раз пробовала читать «У войны не женское лицо», еще старые издания... И не могла. Тут же начинаешь представлять себя, своих родителей... Они же, западные читатели, не прошли через это...

— Да, для них это опыт духа, опыт прочности человека. И этот опыт существует уже отдельно от Ленина, от Сталина, от самой идеи коммунизма. Они так воспринимают. Потому что проблемы прочности, проблемы воспитания человека — основные на повестке дня. Сегодня выйти из дому — надо предпринять усилие духа. Мы так устроены. В наш биологический механизм включен механизм защиты. Мы каждый себя воспринимаем бессмертным, отгоняя мысли о бренности. Но если думать об этом до конца... Ведь ни в Нью-Йорке, ни в Мадриде, ни в Москве — нигде нельзя чувствовать себя в безопасности. И в том же Мадриде после теракта люди вышли на улицу с протестом, они вышли из своего одиночества... А мы, наоборот, разбегаемся, каждый ищет одиночества в своем панцире и все толще его наращивает. Хочется жить своей жизнью, а не быть прикрепленным, как бабочка цементом, к какой-то мощной идее. А у них — наоборот. Мы еще этот опыт переживаем. Вообще человеку сегодня страшно в мире. Я сейчас занимаюсь проблемой, то есть тема моих книг — тема испытаний. Такова наша история — она всегда экстремальна.

С одной стороны, наращиваем панцирь отчуждения, чтобы защититься, но я думаю, что все-таки надо наращивать панцирь любви. Потому что ненависть порождает только ненависть. У одного нет денег, другого хозяин обругал — и вот уже около маленького торгового ларька возникает маленькая гражданская война. А сверху еще эти глобальные проблемы... Человеку безумно сложно. И поэтому я воспринимаю мои книги как опыт мужества жить.

— Меня поразила одна ваша история о том, как после войны женщины скрывали, что были на фронте, прятали свои ордена...

— Они заново разучивали роль жены, любовницы... Когда я работала журналистом, я видела, что женщины несут какое-то свое, другое знание о войне. Они выражают ее другими словами, у них другой запах войны, они видят больше оттенков, нюансов. Просто иное, не мужское видение. Мужчины парализованы военной культурой. Для них война — даже не потрясение. Они не задумываются глубоко о войне. А женщина, поскольку для нее это совершенно новый опыт, о ней задумывается и открывает в войне какие-то новые качества. Одна из героинь, поседевшая стоя на посту на кладбище, объясняет: это не женский опыт. А мужчина к такому опыту готов... Женщины могут в этот мир, в эти сложившиеся представления привнести что-то новое. Тем более что кризис идей — повсеместно. И, по-моему, всем уже ясно, что человек с сегодняшним мировоззрением не выживет. Общество потребления — общество самоуничтожения. И так уже спасения ищут в разных религиях...

— Мужчина ослабел?

— Нет, просто, я думаю, женщина должна избавиться от гипноза, что она в чем-то вторична, третична и что она находится на обочине процесса культуры. И из дому ей особо не за чем выходить, а если выходить — то лишь в мелкий бизнес. Я думаю, что женщина не должна бояться самой себя. И мужчинам на откуп отдавать свою судьбу не стоит. Ведь в семье женщина не отдает всю власть мужчине?

— Говорят, что умная женщина ни за что не даст понять мужчине, что именно она — глава семьи.

— Но такая позиция — тоже ведь уступка традиционной культуре... Женщины боятся быть сами собой и не доверяют сами себе. Так, оказавшись во время войны на высоте и вернувшись к мирной жизни, они принялись вспоминать свои старые роли. Ведь для того чтобы вырваться из рамок времени и культуры, которая закольцована во времени, надо быть сильной личностью. Или, как на Западе, наработать большой опыт. Феминистское движение сделало великое дело. Они наработали уважение к женскому достоинству, женскому взгляду, женской отдельности. Масса больших и маленьких личностей нарабатывали это право. Право на новую культуру. У нас же процесс пока в самом начале.

— У нас всего-то несколько девчонок-феминисток бьются на этом фронте...

— Не надо забывать, что Россия очень разная. Россия Москвы и Петербурга разная. Разная — больших и маленьких городов. Россия очень разноликая и очень тяжело живущая. И для того чтобы феминистские движения начали жизнь на полный голос, женщина должна быть свободной. Хотя бы от быта, хотя бы от физического выживания. Ведь у женщины те же 24 часа в сутках и конечный набор биосил. А как она изматывается... Даже полнота наших женщин свидетельствует не о том, что они переедают, а о перегрузках, которые переносит их организм. Человеку некогда слушать самого себя — он все время бежит, бежит... И поэтому идеям феминизма придется нелегко. С одной стороны, патриархальность общества, с другой — гнет варварской, неустроенной жизни. Для нашей женщины, для ее внутренней свободы надо гораздо больше, чем для западной. Не говоря о том, что там уже несколько поколений накопили какие-то знания, навыки в этой области. А у нас — откуда? Ну, пара энтузиасток что-то пытаются сделать. Но это — конец XVIII века в Европе. У нас тоже раньше что-то было. Но все было прикрыто после революции. Революция женщину вроде бы и признала свободной, но на самом деле власти свободная женщина была не нужна. Власти нужно было свободное экономическое животное. То, которое долбит ломом, кладет кирпичную кладку... А чтобы оно еще и о свободе говорило?! Кому это интересно? Женщина нужна была, как ломовая лошадь. Хотя, конечно, без разговоров и лозунгов типа «Женщины — на трактор!» не было бы и этих небольших прорывов... А что вас больше всего поразило в книге?

— С самого начала душат слезы. Например, те сцены, когда девушки хотели помыться в реке, а по ним стреляли. А они все равно лезли в воду... Стыд быть грязной пересиливал страх перед смертью. Это чисто женское...

— Мне на это советский цензор сказал: «Советская женщина — не животное!» А также: «Ремаркизм не пройдет!», имея в виду, что я начиталась Ремарка. Потом он спросил: «Вы думаете, правда — это то, что под ногами?» Вот вам соцреализм!

— Сейчас вы делаете книгу «Война глазами детей»...

— Книга «У войны не женское лицо», несмотря на все цензурные вымарки, оказала на читателя сильное впечатление. Но вот ребенок... Образ пионера-героя был очень силен. Это единственный советский образ, не изменившийся при всей свободе слова. А у меня ребенок рассказывает, как бомбили деревенское кладбище. Он с бабушкой бежит через него прятаться, а покойники лежат сверху, словно еще раз умершие. У цензора глаза округлялись: «Кому нужна такая страшная война?! И кто после этого будет воевать?» Ведь ребенок — он все обнажает, он же как ангел, он чистое существо. И говорит абсолютную правду. Прочитавшие эту книгу считают, что «Война глазами детей» производит еще более сильное впечатление, чем «У войны не женское лицо».

— Да и ваших «Цинковых мальчиков» читать страшно!

— Удивительно! Наши люди непростые. Жить так — не страшно, а читать — страшно...

— Многие не принимают ваших книг: «Как женщина может писать такое?!..»

— Попробуйте проанализировать: что вы слышали в течение недели? Уверяю вас, что вы слышали не менее страшные вещи, чем те, о которых написано у меня. Просто все это рассредоточено в жизни, а искусство выдает то же самое, но в более концентрированном виде. Смысл моих книг в том, что чем проще человек убивает, тем ценнее человеческая жизнь. Чтобы от этого безумия, от войны, генералов затошнило. Вот моя цель. И поэтому я выбираю, выискиваю в жизни такие образы, которые опрокидывают наши представления о нормальности войны... Мы привыкаем к боевым действиям. А я свою задачу вижу в том, чтобы разрушить «нормальность» восприятия. Я считаю, что это сродни людоедству. Когда-нибудь к войне так и будут относиться. Как к обряду. Я думаю, что и раньше людоедство — это был обряд. Достаточно почитать старые книги. Я читала рассказ о том, как умирает африканская старуха, ее спрашивают: чего бы вы хотели? Англичанин спрашивает, который спасает этих людей. И она так мечтательно, уже на смертном одре, говорит: мне бы кисть маленького мальчика съесть. С ее точки зрения, это было нормально. Я думаю, война — точно так же. Мы живем в культуре, где война — это нормально.

— Но вы же тоже человек нашей культуры!

— Я выросла в белорусской деревне, бабушка у меня была украинка. А в деревню идеология не так проникает, как в город. И те страшные деревенские рассказы о войне потрясали меня. Все мое детство было травмировано этими рассказами. Поэтому протест против войны у меня с детства.

— А как же ваша «Книга о любви»?

— Это продолжение моей хроники. Человек сегодня выскочил из мощной идеи. Какая сегодня мощная идея нами руководит? У нас сегодня идея — сама человеческая жизнь. И это нормальная идея. Люди возвращаются к ценностям дома, семьи. Пусть неумело, как получается... И я хочу проследить до конца, что с этим советским человеком сейчас происходит. Как, куда и с чем он уходит? А вокруг чего вертится человеческая жизнь? Любовь и смерть. И вот моя шестая книга — о любви. О том, как живет советский типаж на пути к новой жизни. Раньше были события страны на переднем плане, а сейчас человек говорит о событиях в своей жизни. Моему жанру нужна экстремальная эпическая идея: война, голод, любовь. Любовь в лагере, на войне, сегодня, любовь старых, молодых. Это к разговору Достоевского: сколько человека в человеке? Как нас любили, как мы любили? Как нас убивали, как мы убивали? Во что мы хотели верить, во что не верили? Что искали? То, что называется «тайны коммунизма»... Я бы так назвала. Ведь надо уважать прошлое хотя бы за то, что там столько пролилось крови, столько пропало жизней — не менее ценных, чем наши. Да, это высокомерие, ничем не обоснованное, — считать, что наша жизнь ценнее, чем тех, кто в прошлом. Речь об ответственности людей, о смысле человеческой жизни. Я же не пишу книги о войне или, скажем, о Чернобыле... Я пишу о человеческой жизни: были такие люди, и они жили вот так.

— В прошлом государство боялось, что прочитают люди ваши книги или книги других честных авторов, и все перевернется. Этого не произошло. Возможно ли в наше время, чтобы серьезная, хорошая литература помогла государству построить нормальное человеческое общество?

— Меня как писателя интересует только одно государство — человек. Человек — это и есть одно отдельное государство. Вот этим он мне и интересен. И я бы хотела, чтобы в человеке было больше человека. Ведь понятно, что в какие-то критические минуты с человека слетает его культурный слой и может обнажиться много страшного. И я бы хотела, чтобы мои книги служили укреплению человеческого в человеке. Чтобы эта культурная пленка, покрывающая его, становилась плотнее и не так быстро снашивалась. А уж что потом общество из этих людей сделает? Такие люди могут создать и иное государство, и иную страну, и выстроить другие отношения друг с другом. Те же государства, в которых мы живем — Россия или Белоруссия, — не кажутся мне совершенными образованиями. Но это не мой разговор. Мне интересен разговор с отдельным человеком, с его душой как с геополитическим пространством.

На Западе люди одиноки по природе своей, там есть проблема одиночества. Но все равно вам улыбнутся. Там тоже свои проблемы, кризисы и страхи, но вы как личность — на неприкосновенной территории. Я уважаю вас, вы уважаете меня. Я ни разу там не слышала, чтобы кто-то на кого-то орал... Идея может работать только в одном, отдельно взятом человеке... Я не люблю отвечать на вопросы «Кто виноват?», «Что делать?». Как и все — не знаю. Я все время говорю: не ждите готовых ответов. Мы сами должны проделать эту работу.

— А наш президент? Какие вы слышите у него интонации?

— Путин говорит с нормальной интонацией. Но когда он срывается, видно, что человек не готовил себя в политические лидеры, на него это все просто свалилось, но у него все равно человеческая интонация. Людям это нравится. Конечно, человек он структурированный в определенное место, в определенное время, но у него нормальные реакции.

— Мы попали в такое время, когда безостановочно идут потрясения за потрясениями... Человек не успевает на них реагировать...

— Я разговаривала недавно с моим папой, ему 82 года. Он говорит: «Света, я застал еще то время, когда приезжал на факультет журналистики и там из 30 преподавателей оставались трое». Чистки. Затем война. После войны друга посадили. Мамину сестру посадили. Кто-то жил на оккупированной территории, кто-то — за границей... Много числил грехов за людьми Сталин. Потом — Чернобыль. Потом — развал страны. Одного такого события хватило бы для человеческих судеб. А их сколько, таких событий? Мы имеем дело с травмированным сознанием людей. Биологической энергии не хватает пережить. Даже интеллектуалы наши занялись какими-то частными проблемами.

Весь наш опыт — это опыт борьбы, разрушения. Опыт культуры созидания у нас практически отсутствует. И это сегодня одна из самых больших проблем. Встать в сторону и критиковать, сидя на кухне, могут все.

— Сейчас разговоры на кухне другие — о том, как зарабатывать.

— Да, материальные. И сегодняшняя культура стороннего наблюдателя — небезопасна.

— То есть люди должны активнее подключаться к общественной жизни?

— Конечно. У многих ведь наблюдается такое чистоплюйство: мол, политика — дело грязное. Но человек вообще несовершенен! Главное сейчас — не множить энергию разрушения. Душа человеческая и так уже переполнена.

Люди хотят разговаривать, они уже способны... Период отдыха после шока заканчивается. Период мгновенных ожиданий, после исполнения которых все будет празднично и радостно, уже закончился.

Фото Владимира Богданова

Слова

Павел Басинский, *критик:*

— Светлана Алексиевич прошла классический путь от журналиста до писателя, не предавая при этом прежней профессии, но возвышая ее до писательского мастерства и художественной глубины. Дебютировала в 60-е годы в белорусской районной газете, вкусила черный хлеб журналистики и в 80–90-е обрела свое неповторимое писательское лицо. Ее документально-художественные повести «У войны не женское лицо», «Цинковые мальчики», «Чернобыльская молитва» написаны в жанре немыслимого, на первый взгляд, синтеза «горячего» репортажа и философско-художественного осмысления явления или события, будь то женщина на войне, погибшие в Афгане воины-мальчики или чернобыльская катастрофа. Алексиевич веришь — вот главное!